

*Н.С. Иванов*¹
N.S. Ivanov

ФИДЕЛЬ И НЕ ТОЛЬКО...

(К 80-ЛЕТИЮ ЕВГЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛАРИНА)

FIDEL AND NOT ONLY...

(ON THE 80TH ANNIVERSARY OF EUGENE LARIN)

Аннотация: Статья посвящена 80-летию известного советского и российского латиноамериканиста Е.А. Ларина. В ней приводятся фрагменты его воспоминаний о лидерах Кубинской революции, его работе на Кубе в 1963–1969 гг., анализируются его монографии и эссе, посвященные Кубинской революции, Латиноамериканской цивилизации.

Ключевые слова: Евгений Александрович Ларин, Латинская Америка, латиноамериканистика, Куба, Кубинская революция, Фидель Кастро, Эрнесто Че Гевара, латиноамериканская цивилизация.

Abstract: The article is devoted to the 80th anniversary of the renowned Soviet and Russian latinoamericanist E. A. Larin. It contains the fragments of his memories about the leaders of the Cuban revolution, his work in Cuba in 1963–1969. His monographs and essays on the Cuban revolution, Latin American civilization are analyzed.

Keywords: Evgeny Alexandrovich Larin, Latin America, latinoamericanist, Cuba, Cuban revolution, Fidel Castro, Ernesto Che Guevara, Latin American civilization.

Евгений Александрович Ларин родился 19 сентября 1936 г. в г. Сухиничи Калужской области. Война застала 5-летнего Женю в предме-

---

¹ **Николай Серафимович Иванов** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; (Nikolai S. Ivanov, Institute of World History of the Russian Academy of Science, nik3334@yandex.ru)

стях Ленинграда, потом была блокада, последний эшелон с детьми, выехавший из осажденного города, эвакуация в Узбекистан. Весной-летом 1943 г. тысячи эвакуированных перегоняли скот (выведенный в Среднюю Азию в начале войны) обратно в освобожденные районы Европейской части СССР. На всю жизнь в памяти мальчика врезались картины разрухи, превращенный в руины Сталинград, другие города и села. Сызмальства тяжелый труд и, невзирая на это, великий оптимизм и вера в светлое будущее — таким было детство Евгения Александровича Ларина. С 15-ти лет он начал свою трудовую биографию, чтобы помогать семье: ученик слесаря, слесарь, буровой рабочий, коллектор геологоразведочной экспедиции и одновременно ученик вечерней школы рабочей молодежи. Несмотря на тяжелый труд, остались самые приятные воспоминания о дружбе с «солью земли» — рабочими, геологами, крестьянами. Навсегда врезалась в память и встреча с югославским лидером И.Б.Тито в Сухиничах:

«На железнодорожной станции Сухиничи—главные я встретился с Иосипом Броз Тито. Это было в июне 1956 года. Я работал в геологоразведочной экспедиции, и наш буровой станок стоял километрах в сорока от Сухиничей. И туда надо было добираться на «кукушке», а она ходила в половине пятого утра. Каждый раз, когда я был дома, я вставал в половине четвертого, чтобы попасть на работу. И вот я пришел на станцию где-то в 4.10. Нас там было человек пять-шесть, часть нашей бригады, которая ехала на смену. Сидим, ждем «кукушку». А ее нет, в назначенный срок не пришла. Пошли узнавать, в чем дело. А нам говорят:

— Пришло указание пропустить важный правительственный поезд. Поэтому пока местные маневры запрещены. Ждите, «кукушка» ваша пойдет, только пока трудно сказать, когда.

Мы вернулись на платформу, сели на лавку, сидим. Ребята говорят:

— А что мы просто так сидеть будем. Давайте закусим. У кого сало есть?

У кого-то нашлось сало, у кого-то хлеб. Сидим, закусываем. Кто-то налил по рюмочке». Сидим веселые, довольные, все отлично. И тут подходит поезд, останавливается. И из него выходит Иосип Броз Тито. Очень хорошо одет, элегантный такой. Нам-то работягам было интересно, никогда не видели людей в такой одежде. Нам понравился. Он посмотрел вокруг, нет никого, кроме нас. Он к нам подходит:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

На чистейшем русском языке. Со всеми за руку поздоровался. Мы

ему:

— Вы нас извините, конечно. Вы Иосип Броз Тито?

— Да, я Иосип Броз Тито. Спасибо, что узнали. Я тоже узнал Сухиничи. Я здесь был в 1943 году (Не знаю, как он у нас оказался, может быть проездом?). Вы очень много сделали, здесь тогда все было разбито, разрушено.

На лавочке лежала закуска. Я ему:

— А давайте с нами за кампанию...

Он:

— Давайте.

Лишнего чистого стакана не было. Стали думать, что делать.

— Вы, знаете, у нас проблема с посудой.

— Да ничего, какая это проблема. Я же старый партизан. Сейчас помоем стаканчик и все.

Сам помыл стаканчик, ему налили самогонки. Бутерброд — черный хлеб и сало. Нормально.

— Ну давайте, за Советский Союз. За вас, за народ. Вы — главная сила Советского Союза.

Выпили. Вышла жена, Йованка. Тоже эlegantная, почему-то вся в черном. К нам не подошла, прогуливалась мимо. И вся эта встреча длилась минут 15, не больше. Ему надо было ехать дальше, он пожал нам всем руки и сказал:

— Я надеюсь только на вас.

Он ехал на переговоры с Хрущевым для урегулирования отношений. И отношения потом действительно наладились. Видимо последней фразой он имел в виду, что наш народ его поддержит. Конечно, это была незабываемая встреча».

Затем служба в армии. Там Е. Ларин стал радистом первого класса. Колоссальная ответственность за полученные и передаваемые «морзянкой» сообщения, идущие от командования Закавказского военного округа, от самого маршала К.К. Рокоссовского, который принял командование округом в 1957 г. в связи с обострением ситуации на Ближнем Востоке. Именно она, по словам Е.И. Ларина, развила и отшлифовала его природный дар — блестящую память, которая позволяет сохранять и пополнять огромный багаж информации, начиная от всемирной истории, истории Латинской Америки — до мельчайших подробностей встреч и диалогов, которые происходили в его жизни.

Кстати, с Рокоссовским связан один из рассказов тети Поли, соседки Лариных, у который он жил несколько месяцев, когда мать уезжала весной на заработки на Украину и Белоруссию. Евгений Александрович

вич вспоминает: «После возвращения в Сухиничи из Средней Азии, я некоторое время жил у тети Поля и спал на кровати, где по ее словам спал Рокоссовский в мае 1942 г, который вместе с Жуковым остановился у нее на пути к Сталинграду. Рокоссовский принял командование 16-й армией, а позже Донским фронтом, который сыграл решающую роль в разгроме войск фельдмаршала Паулюса. Тетя Поля, конечно, очень гордилась такими постояльцами и часто рассказывала о каких-то эпизодах их пребывания в ее доме.:

— Однажды Рокоссовский и Жуков проговорили всю ночь.

Я ей:

— А о чем говорили-то, тетя Поля?

— Да все спорили до хрипоты, как лучше организовать сельское хозяйство в Германии, после окончания войны. Провести там коллективизацию или оставить единоличные хозяйства.

Впоследствии я часто вспоминал этот рассказ. Какую же надо было иметь уверенность в окончательной победе, чтобы в условиях, когда враг дошел до Волги, оккупировал огромные территории нашей страны, рассуждать ночью в Сухиничах об аграрной реформе в Германии после победы над ней!»

После трех лет службы в армии, заинтересовавшись историей, Евгений Ларин в 1959 г. поступил на исторический факультет МГУ. Блестящая память помогла ему быстро изучить не только исторические фолианты, но и испанский, немецкий язык, латынь. Занимался спортом — футбол, шахматы. Писал стихи, и его любовь к поэзии сохранилась до настоящего времени. В 1963 г. он поехал работать переводчиком на Кубу, которая стала его «второй любовью» на всю жизнь (первой конечно же была и есть его супруга, Женни, потом — дочери Татьяна и Наташа, а к настоящему времени прибавились еще внук Георгий, внучки Ксения и София).

Ты прости меня, Русь,
Я наверно влюблюсь.
Мне она очень любя
И зовут ее Куба

(1963 г.)

«На Кубе была серьезная, напряженная работа с нашими военными, которые помогли отстоять независимость Острова Свободы, отразить атаки американцев и спонсируемых ими «гусанос» (предателей, окопавшихся в Майями).

На Прадо или Малеконе

Опять я слышу возглас краткий,
Звучит давно родное собо —
На Кубе, значит, все в порядке.

Кубинец, что в проблемах тонет
На лбу не собирает складки.
Всегда спасительное «коньо»,
Сводит на нет все недостатки.

Юнец мужает,
Старец молодеет —
Так это слово
Душу греет

А если янки вдруг их тронут,
Народ готов к смертельной схватке.
Решительно промолвит «коньо» —
И грингос вмиг покажут пятки!

(1963 г.)

Было много рискованных ситуаций. Несколько раз нас обстреливали банды батистовцев. Официальная статистика насчитала 79 банд, которые орудовали на Кубе до 1965 г. Их численность составляла 3600 человек. Основная концентрация была в Эскамбрае, в центре Кубы. Порой были почти критические ситуации. Как-то мы были в Сантьяго: инструктор, блестящий пилот гражданской авиации, Павел Васильевич, Мариньо (личный пилот Фиделя Кастро, а позже министр гражданской авиации) и я. Нужно было лететь в Моа — каких-то 300 километров, может быть даже и меньше. Но самое главное — надо было пролететь над горами Сьерра-дель-Кристалль. Сидим в кафе для военных, и Мариньо говорит:

— Надо пилота найти.

Вызвал командира летной части:

— Есть у тебя парнишка, который знает этот маршрут?

— Есть.

— Здесь он сейчас?

— Здесь.

— Дашь его нам на пару часов, слетать туда и обратно?

— Да конечно!

Вызывает этого парня, спрашивает:

— Ты летал через эти горы?

— Летал.

— Знаешь проход там?

—Знаю.

Ну, что ж. Погода изумительная, ни облачка, солнце светит. Пилот в порядке. Летим!

Садимся в чешскую «Сесну и полетели. Все великолепно, настроение отличное. Пообедали, выпили немного «на дорожку». Только вошли в горную систему, пролетели наверное километров десять–двадцать, и все заволочло облаками, ничего не видно. У парнишки — нашего летчика уже пот ручьем по лицу, чувствуется, что он дрожит. Павел Васильевич говорит мне:

— Переведи Мариньо, что пилота надо менять. Я сам сяду за штурвал. Спроси, как он отнесется к этому?

Я перевел. Мариньо:

— Я не против, пусть сам садится.

Павел Васильевич:

— А какая здесь высота гор?

— Да они не очень высокие — около полутора тысяч метров.

— Ну, все равно. Скажи Мариньо, что придется нарушить регламент. У Сесны максимальная высота тысяча восемьсот метров, а я собираюсь выйти примерно на две тысячи двести, чтобы с гарантией пролететь над горами.

Мариньо:

— Да, я согласен. Так и надо делать.

Парнишку пересадили назад, Павел Васильевич занял его место, набирает высоту. И самолетик начинает вибрировать, трястись. Кажется, что вот-вот развалится. И вдруг внезапно появился кусок голубого неба, можно было уже что-то видеть впереди. Тогда он прекратил набирать высоту. А все было, действительно, на грани. Дело дошло до того, что когда собирались лететь в Сантьяго, Мариньо сказал:

— Все, я больше не полечу.

Поэтому обратно поехали на автомобилях.

Но рядом с какими – то тревожными моментами в жизни обязательно появятся солнечные протуберанцы, особенно. Если ты на Кубе.

Некоторое время я работал с одним полковником. И он говорит:

— Знаешь, Евгений, я большой любитель пива. Найди какую-нибудь палаточку приличную.

Я нашел хорошее местечко, где можно было попить пива, закусить. Пришли туда раз, другой, третий... Как-то жара была дикая, он мне говорит:

— Пойдем попьем пивка.

А там негритенок, такой хитрюга, говорит:

— А в этот раз никому из вас пива не дам!

— Как не дашь?

— Не дам, пока вы не закажете и не съедите лягушку. Тогда получите пиво.

Спорили, спорили. Потом повел нас, показал: — Смотри, вот лягушечки. Выбирай, какая тебе, какая Федору.

Я уговорил полковника: Давай попробуем, кусочек ущипнем и все. Зато будет пиво.

— Ну ладно, давай.

Негритенок пошел, поджарил, принес:

— Ну давайте, режьте. Теперь в рот.

Налил пива. Попробовали лягушку, ничего, нормально, абсолютно съедобна, как курица. Только жестковата. И потом, после этого «боевого крещения» этот негритенок уже без всякого наливал нам пива).

Помимо основной работы, Евгений успевал заниматься спортом — он был достаточно мастеровитым футболистом, игравшим в армии в Баку (основном месте службы), потом за сборную МГУ и на Кубе — за местную футбольную команду. Но главной спортивной страстью на всю жизнь стали шахматы. Играя на уровне крепкого перворазрядника, он участвовал во многих турнирах, а пристрастие к блиц-партиям сохранилось до настоящего времени. На Кубе его любовь к шахматам совпала с тем же чувством, которое испытывали к этой древней игре кубинские революционеры. По инициативе фаната шахмат, великого революционера Эрнесто Че Гевары (с которым, кстати, Евгению посчастливилось сыграть несколько партий) на острове стали регулярно проводиться Мемориалы Капабланки с участием ведущих гроссмейстеров, а в 1966 году там провели шахматную Олимпиаду.

«На Кубе у меня были очень интересные встречи с гроссмейстерами. Мемориал Капабланки был очень мощным турниром. Сначала скептики говорили:

— Никто не приедет! Чего там, Куба — бедная страна, она не сможет организовать достойные призы, да и провести турнир нормально не сможет!

Но мемориалы проходили с большим успехом,

На турнир 1963 года приехали Таль, Корчной и Геллер. Мне довелось с ними активно встречаться. Они жили рядом в гостинице «Гавана Либре» — это лучшая гостиница. Я-то жил в гостинице Националь, но в «Гавану Либре» ходил в гости к приятелю. Приехали наши кинематографисты и снимали художественный фильм «Я Куба» (1964). Второй оператор был молодой парень, Борис, и мы с ним общались.

Он жил рядом с Талем. Таль часто заходил, просил перевести то, что ему не было понятно. А так как Борис тоже языка не знал, то мне приходилось Талья выручать. Это общение стало постоянным. Стали играть в шахматы: Таль без ладьи, Таль без ферзя. Но и без ладьи, и без ферзя его было трудно обыграть, тем более, что это были блиц-партии.

Перед турниром их всех троих пригласили в посольство на встречу с гроссмейстерами, и я там был тоже, как и вся наша колония. Их всех троих посадили на сцене, и работник посольства, который вел эту встречу, дал слово Талю, и тот практически взял на себя роль ведущего. Надо сказать, что во всех кубинских газетах с восторгом писали о нем: «Приехал гений Риги», «Величайший шахматист всех времен и народов», «чародей», «маг» — как только его не называли. А когда этот «маг» появился в гостинице, я подумал: «Бог мой, как же он будет эту свою «магию» разводить. В шевиотовом костюмчике, весь помятый, одна пуговица оторвана, и все это очень бросается в глаза. Мы посмотрели с Борисом, а Борис был примерно такого же роста как Таль. Он говорит: У меня костюм есть, я его еще не одевал. Может быть предложим его Талю? А чего он пойдет в этих лохмотьях? Человек выдающийся, вне всякого сомнения. Поговори с ним, ты же больше с ним общаешься.

Я подошел к нему: Миш, вот тут возникла такая идея переодеть тебя в хороший костюм.

— А мой что, плохой что ли?

— Да нет, твой хороший, очень хороший. Но видишь ли, в самолете потрепался. А у Бориса новый костюм, ни разу он его не надевал. Давай, померяй.

Он такой общительный мужик, согласился: Ну ладно, давай.

Померили, костюм сидит великолепно. Борис говорит: Ну, под этот костюм и башмаки должны быть другие. У меня есть.

Померили, и башмаки подошли.

Одели «с иголки»!

«Гений Риги» был неотразим...

Пришли в посольство гроссмейстеры, сели на сцене. В центре Корчной, а по бокам Геллер и Таль. Таль открыл встречу: Вы знаете, как обычно на таких мероприятиях первым должен говорить ветеран, это у нас Витя Корчной.

(Хотя какой он ветеран? Он же 31-го года, и ему тогда было 32 года. А сам Таль с 37-го года, ему было 26). И Таль говорит: Витя, давай.

Витя: Я родился в Ленинграде, учился в школе, потом поступил в шахматную секцию во Дворце пионеров.

Таль: Витя! Тебя не биографию спрашивают. Что ты думаешь об этом турнире? О соперниках? Как ты хочешь сам выступить? И реально, какое ты место займешь? Вот об этом расскажи. Для чего люди-то собрались?

Витя говорит: Но я-то вообще хотел о себе рассказать.

— Да у тебя ничего нет интересного в биографии. Чего у тебя там интересного? Абсолютно ничего.

Юмор был «родным братом» Таля. У него всё получалось.

Затем последовал его прогноз: – Я занимаю первое место, ты второе, а Геллер пятое.

Геллер: Чегой-то я пятое?

— А ты очень призовые любишь, а призовые все будут нормальные. А самые большие тебе нельзя давать, деньги тебя испортят.

— А на самом деле выиграл Таль?

— Нет, выиграл Корчной.

Конечно, играли они здорово. Я может быть недооценивал Корчного, но он на турнире выступал потрясающе. Жертвовал, смело играл, рискованно. Но всегда удачно.

И все-таки бесспорным лидером среди них всегда был Таль.

— А как человек Геллер был интересен?

— Да нет, он какой-то был углубленный в себя. Вот Таль был открытым, интересным человеком. В каждой ситуации он выплескивал эмоции — или как юморист, или как сострадающий человек.

Я как-то в нашем посольском магазине купил шампанского, мы решили отметить какие-то успехи. Разлили это шампанское. Таль выпил один бокал, потом половину второго и захмелел. И стал слезливым. Я ему:

— Миш, а чего это у тебя слезы текут?

Он:

— Ну ты же не знаешь моей личной жизни. Тебе написали в газетах «гений Риги», «маг», «кудесник». Но жизнь это не шахматная партия, хотя жертвовать чем-то всегда приходится. И чаще всего это не самые удачные жертвы.

Не знаю, может быть это был эпизод. Но это говорит о Тале, его естественности, эмоциональности, открытости.

А Корчной был глуховат. И ему в разговоре надо было почти кричать. Поэтому когда Таль сказал ему в посольстве — Витя, тебя не биографию просят рассказывать, — он ничего не понял.

Что касается алкоголя, то пили очень умеренно, понемножку. Только за какие-то успехи.

Помнится, что и Таль хорошо выступил на турнире. Он в Гаване всегда был в хорошем, игривом тоне. Приехала переводчица от шахматной федерации Кубы, юная симпатичная девушка. Поехали в аэропорт. Она там закурила. Таль ей: Не могу не восхищаться Вами, Вы просто изумительны. Откуда в Вас такая утонченность, умение элегантно держать сигарету, вставлять талантливые реплики в беседе?

Она, конечно, не поняла ничего из того, что он сказал. И отвечает:

— А это мы все в школе Горького проходили.

Причем это было сказано на полном серьёзе, что было вдвойне смешно. Через несколько лет я совершенно неожиданно встретился с Корчным в Москве. Был на Красной площади, захожу в ГУМ, и там слышу громкий женский голос: Витя, надо быть круглым дураком, чтобы мальчику купить красные ботинки!

Думаю, что же это за Витя, прохожу в этот зал и вижу: Бог мой, это же Корчной!

Его узнали — великий гроссмейстер, вокруг толпа его почитателей, просят автограф, а жена его в это время отчитывает как какого-нибудь бомжа. Витя стоит, молчит.

Она ему:

— Чего молчишь! Иди сдавай! Бери черные!

Он:

— Черные не возьму! Черный цвет не люблю!

— Мало что ты любишь или не любишь! Ты люби жену свою!

На Кубе шахматисты оставили очень приятное впечатление. Впервые, это была еще советская школа. Они были беспорной элитой, хорошо обеспечены. У Корчного еще не было противостояния с Карповым. Он был одной из центральных фигур в нашей шахматной сборной. У него не было никакой критики в адрес общества, государства, он был нормальный советский человек. Видимо, чисто человеческие качества повлияли потом на его решение об эмиграции.

С успехом прошла и шахматная Олимпиада. На нее приехал Роберт Фишер, и это был выдающийся поступок с его стороны. Он так деликатно себя вел, был таким общительным, уважительным по отношению к кубинцам. В нем абсолютно не было никакого антикоммунистического снобизма, который постоянно присутствовал и присутствует у многих граждан США.

— Говорят, что он был какой-то «не совсем нормальный»...

— Ничего подобного! В нормальной обстановке он был абсолютно нормальным, дружелюбным. Где бы он ни был, я удивлялся — у него была такая обаятельная, скромная улыбка. Он все выслушает, потом

улыбнется, скажет: Да, я очень рад, что встретился с Вами.

Фишер, конечно, уникальная фигура. Я его видел несколько раз, пообщаться лично не пришлось, потому что, во-первых, к нему не пускали. За этим очень следила охрана. Боялись, как бы чего не случилось, чтобы Фишер не пострадал. Но по всем интервью, кадрам кинохроники было видно, что вел он себя потрясающе. С моей точки зрения, у него было только одно нескромное заявление. Когда его спросили: Как бы Вы сыграли против сборной Советского Союза? Он ответит: Да я бы «на ноль» обыграл всех!

Потом оказалось, что, несмотря на ряд проигранных и сведенных вничью матчей, он действительно выступил неплохо.

Но еще до начала турнира возникла интересная идея. На турнир приехали наши шахматисты, и среди них был гроссмейстер Александр Зайцев с Дальнего Востока. У нас было два Зайцева — один подмосковный, из Раменского, а другой с Дальнего Востока. И Фишеру предложили сыграть тренировочный матч с А. Зайцевым.

— Прежде чем Вы будете играть с Талем, другими нашими великими шахматистами, сыграйте с Зайцевым тренировочный матч.

Фишер согласился. Начали играть, и что-то у Фишера не пошло, проиграл несколько партий и отказался продолжать эту «тренировку».

— Значит, Зайцев был очень хорошим шахматистом?

— Зайцев был блестящим шахматистом. Он когда в Москву с Дальнего Востока приехал, всех обыграл, а его тогда никто не знал.

Были незабываемые встречи с Фиделем Кастро, Э. Че Геварой, другими выдающимися деятелями кубинской революции, которые остались навсегда в памяти Е.А. Ларина. Была также напряженная работа в библиотеках, архивах, которая затем воплотилась в кандидатскую диссертацию «Роль Повстанческой армии в Кубинской революции», которую он защитил в 1972 г. и опубликовал в издательстве «Наука» в 1977 г. Впервые в советской историографии Е.А. Ларин ввел в научный оборот огромное количество архивных источников, документов, материалов, чтобы показать все сложнейшие перипетии борьбы на Кубе во второй половине 50-х годов, превращение маленького партизанского отряда в мощную Повстанческую армию, одержавшую триумфальную победу в январе 1959 г.

«Весь ход Кубинской революции, — пишет автор, — подтвердил правильность курса на вооруженную борьбу, взятого Ф. Кастро и его сторонниками 26 июля 1953 г.; партизанская война, начатая в Сьерра-Маэстре, привела в движение народные массы, способствовала их мобилизации на борьбу против диктатуры, до предела обострила проти-

воречия военно-политического режима. Ф. Кастро, характеризуя обстоятельства, способствовавшие успешному ходу борьбы, начатой им и его товарищами, писал: «Нам благоприятствовало, во-первых, то, что враги нас вначале не принимали всерьез; во-вторых, многие люди думали, что мы просто романтики, и что мы идем на верную смерть; в-третьих, кое-кто думал, что нами движет тщеславие; в-четвертых, существовало мнение, что наша группа руководителей — проводники консервативных или нерадикальных идей»².

В книге прослеживаются все основные политические и военные аспекты борьбы, начиная с Монкады и «Движения 26 июля» до победы революции. Кубинская революция, убедительно доказывает автор, носила глубоко народный характер. Ее основными движущими силами были рабочий класс, крестьянство, средние городские слои, прогрессивная интеллигенция. «Сила Повстанческой армии определялась прежде всего тем, что она представляла собой вооруженный народ».

Кроме партизанской войны, победе революции, пишет Е.А. Ларин, способствовали и другие формы борьбы: забастовки рабочих, народные протесты против репрессий, студенческие манифестации, движение крестьян против сгона с занимаемых земель, саботаж на фабриках, заводах и сахарных сентральях, бойкот выборов. На протяжении революции на повестке дня постоянно был лозунг всеобщей забастовки, что заставляло правительство Батисты держать в боевой готовности войска в городах. Революционная борьба в городах явилась своеобразным щитом, прикрывшим Сьерра-Маэстру и не позволившим диктатору нанести партизанам сокрушающий удар.

Революция на Кубе развивалась на основе национально-освободительных традиций кубинского народа и в то же время испытала большое влияние марксизма-ленинизма. «Без блестящей революционной деятельности Хосе Марти, — приводит автор слова Ф. Кастро, — без вдохновляющего примера и бессмертных дел Сеспедеса, Аграмонте, Гомеса, Масео и других легендарных героев прошлых сражений, без величайшего научного учения Маркса и Энгельса, без гениального Ленина и его подвига, не имеющего себе равных за всю историю, не могло быть и 26-го Июля...»

Интересны выводы Че Гевары о кубинской революции, приведенные в книге. Безусловно, на первое место Че Гевара ставит выдающийся талант руководителя, стратега и тактика революционной борьбы Фиделя Кастро. Другой особенностью кубинской революции, по

---

² Ларин Е.А. Повстанческая армия в Кубинской революции. М.: Наука, 1977. С. 265.

мнению Э. Че Гевары, было то, что «американский империализм был дезориентирован и не мог определить истинные цели Кубинской революции». Говоря об отношении американских правящих кругов к повстанцам, Че Гевара отмечал: «До победы революции нас подозревали, но не боялись».

«Фидель очень часто рисковал своей жизнью. Но был убежден, что никто не посмеет поднять на него руку. Фактически его могли расстрелять после штурма Монкады. Ведь план был такой: в случае неудачного исхода всем надо отступать в Сьерра-Маэстру. В городе не оставаться ни в коем случае, выбираться в горы, а там объединиться. Действительно, штурм оказался неудачным. Какой-то солдатик вышел по нужде и заметил чужих людей, поднял тревогу. Все случайно. Но тем не менее 80 человек погибло. И Фидель тоже отступал в Сьерра-Маэстру, и был один. И когда оказался в Сьерра-Маэстре, то сказались напряженность этих дней и ночей, и он захотел спать. Нашел укромное место, заснул. И на него набрел наряд, который искал беглецов — участников штурма Монкады. Ефрейтор Сария, как и другие военные, получил указание задерживать всех подозрительных лиц и везти их в ближайшую воинскую часть. Он увидел Фиделя, разбудил его. Тот говорит:

— Я Фидель Кастро.

Сария:

— Я должен вас арестовать.

— А что дальше?

— Я должен привезти вас в воинскую часть.

— А там меня расстреляют?

— Скорее всего да.

— Ну и зачем тебе везти меня туда? Есть в этом какой-то смысл?

— Да особого смысла я не вижу.

— Ну тогда давай так: ты пойдешь своей дорогой, а я своей. И ты меня не видел. Согласен?

— Да.

Так Фидель избежал расстрела. Потом, после революции Сарию нашли, конечно, отблагодарили. Видимо судьба его берегла. Ведь на него было более шестисот покушений. Да и не столько судьба берегла, сколько ум. У него было потрясающее чутье на опасность, уникальное предвидение.

Он всю революцию просчитал до самых мелочей. Американцев обвел вокруг пальца тем, что в июле 1957 г. в Сьерра-Маэстре устроил встречу с ведущими политиками Кубы, всеми — левыми, правыми,

буржуями и не-буржуями. Неважно, главное, чтобы занимали высокое место в политической иерархии, чтобы их знал народ, а также была известность за рубежом, прежде всего в США. И все приехали. И он говорит: «Вот теперь мы будем выбирать правительство, которое будет после победы революции. Наша победа неизбежна, и нам сейчас надо подумать о президенте и премьер-министре. Я предлагаю президентом Мануэля Уррутия, премьером Хосе Миро Кардону».

И предложил кандидатуры, которые были хорошо известны американцам. Уррутия был известным адвокатом, который защищал на суде пленных участников революционного Движения 26 июля и заявил, что эти молодые люди имели полное право с оружием в руках защищать кубинскую конституцию. И Фидель на заседании 1957 г. сказал: Такие адвокаты — честнейшие люди нашего времени. И именно они должны возглавлять правительство.

А Миро Кардона был военным атташе в батистовском посольстве в США. Конечно, Кардона был врагом до мозга костей. Но Фидель сумел его привлечь к участию в революции! И даже назначил ответственным в Движении 26 июля за борьбу в городах. И я думаю, что все это было сделано специально, чтобы американцы особенно не беспокоились о том, что после революции пострадают их интересы на Кубе. И все пробуржуазно и проамерикански настроенные кубинцы подумали: «Это хорошо, это именно то, что нам нужно! И Уррутия в общем-то свой человек, а Миро Кардона — тем более».

ЦРУ и госдеп США клюнули на это, им очень понравился выбор Фиделя. И когда на следующий день после революции, 2 января президент США Эйзенхауэр попросил представить ему аналитическую записку ЦРУ о положении на Кубе, там было написано, что новым президентом Кубы будет М. Уррутия, премьером Миро Кардона, и эти люди очень лояльно настроены по отношению к США. Эйзенхауэр дал команду: «Как можно скорее признавайте это правительство, пока нас не опередили русские!» В результате они признали 8 января, а мы через день, 10-го.

Ясно, что какой премьер, такое будет и правительство. В это правительство попал только один революционер, Фаустино Перес, который стал министром мелиорации. И министр культуры.

Фидель — только главнокомандующий повстанческой армией. И у революционеров среди СМИ только газета «Революсьон», которая каждый день печатает статьи: «Да, революция победила. А что сделано из того, что планировалось, намечалось в качестве революционных реформ? Ничего абсолютно!» Конкретно ни на кого не указывали,

просто констатировали: «К сожалению пока революция пока не принесит своих плодов».

И так было до 16 февраля. Газета точила, точила... Наконец Миро Кардона написал в газетах открытое письмо: «Фидель, друг, я благодарю тебя за доверие. Скажу тебе искренне, что творцом революции являешься ты. Ты совершил эту революцию, тебе и надо руководить. Ты это заслужил, ты этого добился».

В этот же день в вечерней газете: «Миро, друг. Я согласен. Ты, конечно, много сделал. Благодаря твоему мужеству, находчивости гражданское сопротивление в городах было на высоте, это твоя заслуга. Да и во главе правительства в самое трудное время ты тоже сделал очень много, не дал реставрировать режим. Огромное тебе спасибо».

Расстались друзьями. А потом стали врагами. Кордона уехал в Майями, там эта шайка сделала его лидером. В операции в Заливе Свиней, в других операциях ЦРУ он активно участвовал. Встречался с Кеннеди. Более того, в высадке в Заливе Свиней контрреволюционная «Бригада 2506» вся оказалась в плену. Но за 52 млн. долларов ее продали обратно американцам. Когда начались переговоры с американцами после бесславного поражения при высадке, Фидель сказал:

— Зачем они нам нужны? Нам сейчас нужны деньги. Давайте продадим их за 52 миллиона. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Американцы заплатили, и всю эту бригаду отправили обратно вместе с ее знаменем. Их лидеров в 1962 г. пригласил Кеннеди, и они поехали в Белый дом с этим знаменем. Он сказал:

— Как хорошо, что вы сохранили это знамя. Я думаю, что в самое ближайшее время оно будет развеваться над президентским дворцом в Гаване. Там был и Миро Кардона.

А Уррутия в июле 1959 г. ушел со своего поста и не стал ввязываться ни в какие комбинации. Поэтому Фидель это супергений в политике. Да и если брать 1991 г. Тогда беспартийный Горбачев решил покончить и с кубинским социализмом. Ни гроша, ни копейки для Кубы. У страны остался только сахар, от которого мы отказались. Сахар у Кубы купила Украина, потом продала его Ирану, и мы этот же сахар купили у Ирана, но уже за четверную цену! И Фидель в этих чрезвычайных условиях нашел выход из положения, привлек иностранный капитал. И среди инвесторов даже началась драчка за выход на кубинский рынок: кто кого опередит. Сейчас там среди иностранных инвесторов на первом месте Канада, потом Франция, Испания, Китай.

В Китае там даже в партийных документах отмечено, что Куба является самым любимым местом отдыха китайцев. Они инвестируют

туда большие деньги. Сейчас 3,5 млн туристов в год — это для Кубы уже хорошо. Это большие валютные поступления».

После книги «Повстанческая армия в Кубинской революции» Е.А.Лариным было опубликовано множество книг и статей, глав в коллективных трудах, эссе, посвященных истории Кубы, Эквадора, Доминиканской республики, Перу, английским, французским и голландским колониям Карибского бассейна, истории завоевания Нового Света и религиям доколумбовой Америки.

Среди них монографии «Куба конца XVIII – первой трети XIX в.» М., 1989 (докторская диссертация Е.А. Ларина); «História da América Latina.» М., 1990 (в соавторстве); «История и культура Латинской Америки» (в соавторстве). М., 2005; «Латиноамериканская цивилизация». М., 2007; «Политическая история Кубы XX века». М., 2007; «Плеяда Освободителей Латинской Америки». М., 2010; «Пираты и мореплаватели» М., 2014; «Латиноамериканский авангард». М., 2015.

С 1987 г. Е.А. Ларин возглавляет Центр латиноамериканских исследований Института всеобщей истории РАН. Он разработал концепцию пятитомного фундаментального исследования «История Латинской Америки», стал автором центральных глав и ответственным редактором труда. Поистине уникальным вкладом в историческую науку стал вышедший под его редакцией труд «История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков» (М., 2010). Его перу принадлежат там главы и разделы, посвященные Х. Колумбу, испанским, итальянским и индейским хронистам XVI–XVII вв., историографии Мексики, Кубы, Эквадора, германской латиноамериканистике XIX в., деятельности в этой сфере Гумбольдта и оценкам Гегеля, жизни и борьбе С. Боливара, формированию представлений о Новом Свете в России в XVI–XIX вв.

Также под его редакцией вышли коллективные труды «Война за независимость Латинской Америки» (автор центральных глав и ответственный редактор), «Политическая история стран Латинской Америки в XIX в.». Во всех этих изданиях Е.А.Ларин участвовал и как автор главных, концептуальных разделов, так и глав по истории Кубы, Эквадора, Доминиканской республики, других стран. Кроме того, Е.А. Ларин написал многочисленные статьи в Большой Российской энциклопедии и Исторической энциклопедии. Был членом ВАКа с 1996 по 2007 г. Вел большую педагогическую работу, с 1981 г. был профессором кафедры всеобщей истории РУДН, профессором ГАУГН, вырастил целую плеяду своих учеников, молодых латиноамериканистов. Что немаловажно, опубликовал две книги собственных стихов!

Несмотря на постоянное расширение исторического горизонта, написание фундаментальных, обобщающих трудов по Латинской Америке, у Е.А. Ларина на всю жизнь осталось особое, в высшей степени уважительное отношение к лидеру Кубинской революции, с которым ему довелось встретиться после долгого перерыва в 2005 г.

«Моя последняя встреча с Фиделем произошла в 2005 г. в Гаване на представительном международном форуме «Диалог цивилизаций». Все ждали президента Кубы и были убеждены, что Фидель не может не выступить на форуме с таким названием. Когда мы приехали во Дворец Революции, в лучшем зале, самом большом и красивом, в половине четвертого появился президиум, в центре которого была главная фигура Фиделя. Конечно, его очень тепло встретили. И вообще, он пользовался большой симпатией, и в разговорах, когда мы общались с иностранными делегациями, все говорили:

— Какой Фидель мудрый, какой он талантливый, какой прямой человек. Всегда называет все своими именами, великолепно ориентируется во всех проблемах — экономических, политических, религиозных, эстетических.

Необходимо отметить его уникальную эрудицию. Вот например, Фидель говорит:

— Купил несколько книг.

Перечисляет их.

— Но в душе я хотел бы иметь все книги мира. По философии, истории, литературе. И прочитать их все.

В общем, действительно, такой человек и должен был делать главный доклад на форуме, посвященном «диалогу цивилизаций». Он начал медленно, неторопливо, как это он всегда делал. Затем в нем проявился мощный духовный порыв, и он пошел рассказывать обо всех цивилизациях, начиная с Междуречья между Тигром и Евфратом. Очень остроумно шутил по поводу того, что мы их назвали «цивилизациями», а они пожирают и уничтожают друг друга, а потом предлагают нам вести себя «цивилизованно», «цивильно» одеваться и «цивилизованно» решать проблемы. И когда вспоминаешь всю эту историю, кажется, что может быть лучше мы бы не знали об этих цивилизациях. Конечно, какие-то позитивные моменты безусловно были, но в конце концов цивилизации пожирали самих себя. И это оставило огромный неприятный след в истории, в целом на фоне положительных идей и задумок человечества создать какую-то цивилизацию, решить какие-то сложнейшие вопросы в области культуры, религии, политики, экономики, в быту.

Вот вроде бы цивилизация должна распоряжаться как какая-то верховная инстанция, уполномоченная какими-то мощными верховными силами, верховным разумом, а она оказывается в конце концов какой-то обычной политической игрой.

Такого рода речь была встречена очень позитивно, аплодировали, задавали много вопросов. Фидель начал доклад в пол-четвертого, а закончил около восьми. Потом сказал: «А теперь я готов ответить на все ваши вопросы».

— Как на все?

— Да, абсолютно на все ваши вопросы.

Забеспокоился президиум. Вел собрание вывший гендиректор РЖД Якунин. Вопросов было очень много.

Я очень хотел задать Фиделю вопрос, и Якунин, видимо заметив мою руку и предоставил мне такую возможность. Мой вопрос звучал так: Команданте, вы уже давно находитесь в постоянной сверхсложной борьбе, на грани риска. Какой, на ваш взгляд, был самый трудный период в этой борьбе?

И он задумался на некоторое время. А надо сказать, до этого он отвечал на все вопросы быстро, мгновенно, не задумываясь. А тут задумался, потрепал характерным жестом свою бородку, постучал по микрофону, поправил его, и потом говорит:

— Сегодняшний день и твой вопрос!

Зал восторженно аплодировал Фиделю.

Он очень долго отвечал на вопросы. Рядом со мной сидели девушки, видимо из кубинской правительственной команды, или из какой-то общественной организации. Но по их разговору я почувствовал, что они всех знают, обсуждают какие-то государственные проблемы. Я решил с ними поговорить и начал с вопроса:

— Не кажется ли вам, что Фидель уже устал?

Они возмутились: Как устал?! Фидель не может устать! Вы знаете, что у него еще сегодня после этого форума заседание совета министров и потом встреча с кубинской молодежью, с комсомольцами!

И действительно, пока он отвечал, уже пошел десятый час, и здесь включился Якунин — как председательствующий он заявил:

— Уважаемые коллеги, я обращаюсь ко всем вам. В нашей стране есть Трудовой кодекс, где четко ограничены часы работы. Фидель Кастро с нами работает уже непрерывно пять с половиной часов, и давайте мы сделаем доброе дело. Поблагодарим его и пожелаем ему доброго здоровья и дальнейших успехов в выполнении той высочайшей миссии, которую он уже долгие годы реализует.

Естественно, все поддержали, заплодировали. Якунин заявил об успешном завершении работы форума «Диалог цивилизаций». Пошли на выход, а так как я сидел недалеко от президиума, мы тоже встали и пошли. Появился Серго Микоян, сын А.И. Микояна:

— Привет!

— Привет!

Тепло поздоровались, поговорили. Вдруг Фидель, заметив Микояна, зовет:

— Микоян, Микоян!

Подошел к нам, поздоровался с Микояном и со мной:

— Ну, как вы?

Мы:

— Все нормально, отлично! Спасибо за блестящее выступление!

Обменялись несколькими фразами, но надо было отпускать его, потому что Фидель – человек деликатный, мог с нами проговорить еще сколько угодно. Поэтому пожали друг другу руки и разошлись.

Хотелось бы отметить, что и первый и второй раз, когда я с ним встречался, я почувствовал при рукопожатии его мощную руку — руку атлета, тренированного, уверенного в себе человека.

Тем неожиданнее оказалась его последующая болезнь. Потому что тогда он выступал как абсолютно здоровый человек — и интеллектуально, и физически, и психологически, и никаких проблем у него не было. И кубинские девушки, сидевшие рядом на форуме, подтвердили, что Фидель никогда не устает.

И потом вдруг эта болезнь. Это было странно, неожиданно, причем болезнь настолько серьезная, что он был вынужден оставить все должности. Ну и потом мы видели уже Фиделя по телевидению, как болезнь потрепала его, как ему пришлось тяжело. Но в 2005 г. запомнилось его совершенно блестящее соло — этот доклад, эти ответы на вопросы. Это было великолепно!

Похоже на Фиделя начала 60-х годов, когда я его видел и слышал, и это было последнее его мощное выступление. Да и аудитория была мощная, представительная. И он блеснул своей эрудицией, своим потрясающим кругозором. Это было просто незабываемо».

На мой взгляд, это выступление сыграло свою позитивную роль в том, что Е.А. Ларин взялся за тему «Латиноамериканская цивилизация» и опубликовал свой капитальный труд в 2007 г. В нем он глубоко исследует само понятие цивилизации, впервые введенное в трактате маркиза де Мирабо «Дух законов» (1757). Рассматривает развитие концепции в трудах Ф. Энгельса, Л. Моргана, Н.Я. Данилевского,

О.Шпенглера, А. Тойнби, М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, А. Уайтхеда, Н. Элиаса, Э. Бэгбн, русского философа и востоковеда Б.С. Ерасова. Приходит к выводу, что все основные характеристики в трудах классиков присущи и латиноамериканской цивилизации. Вместе с тем она имеет и целый ряд специфических особенностей.

Индийский мир, пишет Е.А. Ларин, преуспел в производстве тканей и керамики, обработке камня, резьбе по золоту и меди, монументальной скульптуре и архитектуре майя, имел отдельные достижения в медицине и некоторые поразительные научные озарения и открытия. Тем не менее было очевидным его огромное отставание от западной (европейской) цивилизации в «технологичности» орудий труда, в средствах мореплавания и военном вооружении.

В сравнении с «классическими» цивилизациями, в ацтекской империи также было рабовладение, но суть его значительно отличалась от европейских аналогов. В отличие от абсолютно бесправных рабов в Европе рабы ацтеков имели реальные возможности изменить свою жизнь к лучшему. Нередко они являлись надсмотрщиками, управляющими поместий; законы позволяли им покупать землю и заводить собственных рабов.

Генезис любой цивилизации классики связывают с деятельностью «творческого меньшинства», способного сплотить «пассивное большинство» и принять тот или иной вызов. В доколумбовой Америке эту роль выполняли жрецы, что лишний раз подчеркивает определяющую роль религиозного фактора в повседневной жизни индейцев.

Основные ценности мировых религий и религиозных верований доколумбовой Америки, пишет Е.А. Ларин, в значительной мере не совпадали. Важнейший принцип духовной жизни — религиозное спасение также существенно разнился. Убежденность индейца в том, что жизнь постоянно находит живительные силы в смерти, делала его абсолютно равнодушным к боли, страданию и возвышала в момент жертвоприношения людей. Смерть, несмотря на высокую степень ее сакрализации, навевала, скорее, минорные тона. Не отсюда ли типичные для основной массы индейцев черты характера: покорность, меланхолия, грусть? Думается, делает вывод автор, что цивилизации майя, ацтеков, инков и чибча—муисков подтвердили правоту принципиально важных выводов о том, что цивилизации отличаются прежде всего своей неповторимой духовностью. При столкновении двух миров испанцы противопоставили святой наивности индейцев алчность, высокомерие и полное пренебрежение к моральным нормам и традициям аборигенов.

Новая фаза латиноамериканской цивилизации началась с конкисты. Индейцев силой заставили отказаться от своего прошлого. Начался трехвековой процесс обновления всех цивилизационных основ и прежде всего веры, властных структур, социально-экономических отношений, культурной и технологической составляющих. Европейцы прибывали в Новый Свет с чувством несомненного превосходства, глубокой убежденностью, что им должно быть там подвластно абсолютно все. Некое «историческое замешательство» индейских народов, в силу философии катастрофизма морально готовых к любым, даже более масштабным катаклизмам, весьма эффективно использовала испанская корона. Множество властных структур индейского мира — касики, советы касиков, короли и императоры — были заменены единой централизованной имперской властью, обеспечившей Испании, а впоследствии и другим европейским державам, контроль в производстве и потреблении. В значительной мере уничтожалась цивилизационная основа наиболее высокоразвитых обществ доколумбовой Америки. Формирование нового витка латиноамериканской цивилизации (конец XV – начало XIX в.) имело ряд специфических черт. Прежде всего была нарушена преемственность — одна из базовых характеристик развития любой цивилизации. В корне изменилась ее этническая составляющая за счет приехавших в Новый Свет миллионов европейцев и десятков миллионов насильственно завезенных африканских рабов. Это обстоятельство в свою очередь радикальным образом повлияло на характер культуры, социальной психологии, поведения, эмоций и веры, на производственные отношения.

*ГИБЕЛЬ МЕХИКО В ТЛАТЕЛОЛКО*³

Плачьте, друзья мои,
и поймите, наконец, что в этих событиях
мы потеряли себя.
Испортилась вода, испортилась еда —
вот что сделал Даритель жизни
в Тлателолко.

«СЛОВО ПРОТИВ 12 МИССИОНЕРОВ-ФРАНЦИСКАНЦЕВ, ПОСЛАННЫХ ПАПОЙ АДРИАНОМ VI В 1524 Г.»⁴

А что же нам еще ждать?

---

³ О событиях 1521 г., завершившихся пленением и расправой над последними непокоренными жителями города. Перевод Е.А. Ларина.

⁴ Перевод Е.А. Ларина.

Вы позвольте нам умереть,
позвольте нам исчезнуть,
Ведь наши Боги уже мертвы.

Тем не менее, сложившаяся к концу XVIII в. на Американском континенте новая историческая общность, «смоделированная» прежде всего Испанией и Португалией, а в определенной степени и Англией, Францией и Голландией, оказалась совсем не похожей на европейскую. Латиноамериканская цивилизация, приводит автор мнение С. Хантингтона, ассимилировала местные культуры, которые не существовали в Европе и были полностью уничтожены в Северной Америке и значимость которых меняется от Мексики, Центральной Америки, Перу и Боливии, с одной стороны, до Аргентины и Чили, с другой.

Культура, как никакая другая сфера общественного бытия, подверглась влиянию цивилизационного синтеза, определившего ее эволюцию и сегодняшнее состояние. Выдающийся мексиканский философ Леопольдо Сеа делает закономерный вывод: «...все истинно наше, американское, как роднит нас с Европой, так и не позволяет нам быть европейцами». И действительно, считает Е.А. Ларин, «сложившееся за пять последних веков латиноамериканское общество обрело и свой образ жизни, и свои духовные и культурные ценности, и свою собственную историко-культурную «самость». Своеобразие всего латиноамериканского настолько очевидно и впечатляюще, что другой известный мексиканский философ XX в. Хосе Васконселос в 1925 г. даже предложил миру концепцию пятой «космической» расы — расы, которая сформировалась в Латинской Америке и будет определять будущее человечества. Фольклор индейцев на языке науатль: Tlalticras, Toquichtin tiez!⁵

---

⁵ «Земля будет такой, Какими будут люди!»